

Март 1968-го. Польский стыд и еврейская память

Лидеры ЦК ПОРП, в центре — Владислав Гомулка

Март 1968-го стал одним из ключевых моментов послевоенной польской истории. Тридцати тысячам еще остававшимся в стране евреям «посчастливилось» тогда, с одной стороны, стать разменной монетой во внутривидовой борьбе между лидерами ЦК ПОРП, а с другой, поплатиться за победу Израиля в Шестидневной войне.

По иронии судьбы, в 1950-е за первым секретарем Владиславом Гомулкой, которого еще недавно называли «маленьким Сталиным», закрепился имидж реформатора. Именно Гомулка ослабил партийные вожжи, став идеологом «польского пути к социализму» с его новой аграрной политикой, нормализацией отношений с церковью, развитием рабочего самоуправления и т.п. Именно Гомулка прижал хвост консервативным и антисемитским кругам партийной элиты. Не кто иной, как первый секретарь ЦК ПОРП в период либерализации санкционировал в социалистической Польше деятельность «Джойнта», разрешил еврейские детские сады, клубы, лагеря и училища и

снял запрет на создание частных еврейских кооперативов.

Не кто иной, как первый секретарь ЦК ПОРП в период либерализации санкционировал в социалистической Польше деятельность «Джойнта», разрешил еврейские детские сады, клубы, лагеря и училища и снял запрет на создание частных еврейских кооперативов

Все это, разумеется, ему припомнили, когда реформы забуксовали, экономическая ситуация резко ухудшилась и одновременно были сокращены зарплаты и подняты цены. Тут снова пригодились евреи, тем более, что Шестидневная война дала повод обвинить их в двойной лояльности. Уже 19 июня 1967 года, выступая на съезде профсоюзов, Гомулка заявил, что «агрессия Израиля была встречена аплодисментами в сионистских кругах польских евреев» и объявил о существовании в ПНР «империалистическо-сионистской пятой колонны». Он также недвусмысленно призвал «тех, кто считает, что эти слова обращены к ним», эмигрировать из Польши.

Некоторые из членов Политбюро во главе с Эдвардом Охабом запротестовали против последней фразы и вынудили генсека исключить ее из официального варианта речи, хотя выступление успели передать по радио.

Прямого призыва к антиеврейским чисткам не прозвучало, но намек был понят и в игру вступил всесильный министр внутренних дел, сталинист Мечислав Мочар, чье отношение к евреям было общеизвестно. Уже в конце июня МВД представило список из 382 «сионистов» — первыми были уволены 150 высокопоставленных армейских офицеров еврейского происхождения, в их числе командующий ВВС Польши, бывший узник Освенцима и Майданека генерал Чеслав Манкевич. Охота на ведьм не ограничилась армией, только в 1967-м около 200 человек потеряли работу и были исключены из партии, среди них главный редактор ежедневной партийной газеты *Trybuna Ludu* Леон Касман — личный враг Мочара еще с военных времен. По рекомендации

МВД была практически свернута деятельность еврейских культурных и общественных организаций.

Впрочем, это были только цветочки — ягодки начались в начале 1968-го с инцидента, не имевшего ни малейшего отношения к евреям. Речь идет о запрете спектакля «Дзяды» по поэме Адама Мицкевича в Национальном театре Варшавы — спектакле, который Гомулка назвал «ножом в спину польско-русской дружбы». За запретом последовали стихийные протесты против цензуры и студенческие митинги, в организации которых обвинили... правильно, сионистов.

«Очистим партию от сионистов», митинг на одном из предприятий

Только за первые две недели антисионистской, а по сути антисемитской, кампании власть организовала более 1900 партсобраний и около 400 «стихийных» митингов, пестревших лозунгами вроде «Сионистов — в Сион» и «Оторвем голову антипольской гидре». За три месяца число подобных «мероприятий» — на заводах и в университетах, школах и армейских клубах, молодежных и женских организациях — превысило сто тысяч! 3,7 миллиона человек приняли участие в грандиозном сеансе промывки мозгов и поиске «пятой колонны».

Только за первые две недели антисионистской, а по сути антисемитской, кампании власть организовала более 1900 партсобраний и около 400 «стихийных» митингов, пестревших лозунгами вроде «Сионистов — в Сион» и «Оторвем голову антипольской гидре»

19 марта на крупном партийном митинге Гомулка предложил, чтобы евреи, которым Израиль дороже Польши, «рано или поздно покинули нашу страну». Сам генсек, будучи женат на еврейке, не питал антисемитских предрассудков, но слишком велик был соблазн направить народный гнев в нужное русло. В массы пошла гулять невеселая шутка: «В чем разница между нынешним и довоенным антисемитизмом? — До войны он не был обязательным».

Открыто возмутились единицы, например, бывший первый секретарь Охаб, подавший в отставку с поста председателя Госсовета ПНР в знак протеста против антисемитской кампании. Гораздо больше оппонентов Гомулки и Мочара были просто свергнуты с партийного олимпа.

Как бы то ни было, впервые за два послевоенных десятилетия простым полякам разрешили выпустить пар — вплоть до критики отдельных членов высшего руководства страны и офицеров Службы безопасности, если они, конечно, были евреями. К 1968-му таких оставалось немного, но недаром кампания задумывалась как тотальная. В МВД составили картотеку всех польских граждан еврейского происхождения, даже тех, кто на протяжении многих поколений не принимал никакого участия в еврейской жизни — Мочар планомерно вычищал «сионистов» из всех госучреждений, университетов, школ, редакций газет, издательств, театров и т.п. Возник даже термин «мартовский доцент» — никудышный «специалист», занявший место в университете вместо уволенного профессора-еврея.

В МВД составили картотеку всех польских граждан еврейского происхождения, даже тех, кто на протяжении многих поколений не принимал никакого участия в еврейской жизни — Мочар планомерно

**вычищал «сионистов» из всех госучреждений,
университетов, школ, редакций газет, издательств,
театров и т.п.**

11 апреля 1968 года с трибуны Сейма премьер-министр Циранкевич заявил, что граница для граждан еврейской национальности открыта. Уезжавшие лишались польского гражданства, получая так называемый проездной документ, — это был билет в один конец.

В результате Польшу покинуло 13000 евреев — примерно половина ее еврейского населения. Процент лиц с высшим образованием (в основном, инженеров и врачей) среди эмигрантов был почти в восемь раз выше, чем в среднем по стране. Около пятисот ученых, в том числе выдающиеся деятели науки, две сотни журналистов и редакторов, более шестидесяти работников радио и телевидения, около ста музыкантов, актеров и художников, а также двадцать шесть режиссеров попрощались со страной, из родины превратившейся в злую мачеху. 204 из 998 выехавших пенсионеров были получателями специальных пенсий за выдающиеся заслуги перед Польской Народной Республикой.

Гомулка, уже к середине 1968-го решивший свернуть кампанию, был неприятно удивлен, сколь трудно оказалось это сделать. Тем не менее сорвавшегося с цепи Мочара удалось осадить, а 8-9 июля на XII пленуме ЦК ПОРП антиссионистская эпопея официально завершилась.

Первые извинения за антисемитские «перегибы» правительство тогда еще социалистической Польши принесло 20 лет спустя — в марте 1988-го, предложив ввести двойное гражданство для изгнанных евреев. Еще через десять лет Сейм официально осудил события марта 1968-го как проявления антисемитизма, а в 2000-м Александр Квасьневский извинился перед бывшими польскими гражданами как президент республики. «Мы помним и нам стыдно», — подчеркнул глава государства.

Конечно, лучше поздно, чем никогда, но, так или иначе, март 1968-го подвел черту под тысячелетней историей евреев Польши. Ведь грандиозный (только основная экспозиция занимает 4000 кв.м.) Музей истории польских евреев, с помпой открытый в 2013 году, — это всего лишь музей. Фантом, который никогда не восполнит пустоту, которую многие поляки почувствовали, избавившись от своих еврейских соседей.

Михаил Гольд